

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ: НЕКОТОРЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

(Перевод статьи **THE PAST, PRESENT AND FUTURE OF RESTORATIVE JUSTICE: SOME CRITICAL REFLECTIONS**)

Катлин Дали и Русс Имарижеон.

*Университет Гриффит, Квинсленд,
Хантер колледж, Нью-Йорк.*

Восстановительное правосудие появилось на международной арене как зонтичная концепция и социальное движение. Мы представляем здесь обзор основных направлений общественной активности и социальной мысли которые превратили восстановительное правосудие в популярную идею, оцениваем значение популярности восстановительного правосудия как социального движения и предлагаем пути развития этой идеи. Мы считаем, что для обеспечения дальнейшего развития в данной области ученые и общественные активисты должны: 1) подняться над представлениями о карикатурном противостоянии карательной и восстановительной моделях правосудия. 2) сделать общие черты ретрибутивизма и консиквентализма присущими и восстановительному правосудию, и 3) использовать больше точных терминов и меньше обещать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Восстановительное правосудие, социальное движение, криминология, наказание, суды.

ВВЕДЕНИЕ

«Эта область сама по себе сложна и запутанна»

Walgrave и Aersten, 1996

За последние двадцать лет о «восстановительном правосудии» много говорилось в самых различных контекстах, оно упоминалось под разными именами и во многих странах; его развитие берет свое начало в среде ученых, работников системы правосудия и общественных активистов. В концепции восстановительного правосудия может идти речь об альтернативном процессе разрешения споров, об альтернативных методах наложения санкций или о действительно отличной от традиционной, «новой» модели уголовного правосудия, основанной на принципах восстановления жертв, правонарушителей и сообществ, в которых они живут. Концепция может предусматривать действия, не пересекающиеся с формальным судебным процессом, действия, идущие с ним одновременно и встречи между правонарушителями и жертвами на любой стадии уголовного процесса (от ареста и предварительного заключения до освобождения из тюрьмы). Процесс восстановительного правосудия использовался в ювенальной и уголовной юстиции, в делах по защите детей и разрешению семейных проблем. Концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, трансформационное правосудие, неофициальное правосудие. Глобальные связи ученых, работников системы правосудия и общественных активистов привели к созданию мультинациональной системы идей, и как следствие, основные термины претерпели изменения в их использовании и значении.

Хотя концепция восстановительного правосудия является очень емкой и включает много направлений, все же существует общепринятое представление о ее основных чертах. Она ориентирована прежде всего на исправление ущерба и восстановление социальных связей, разорванных в результате преступления; основное внимание она уделяет связям между жертвами, правонарушителями и обществом. Странники концепции предполагают, что практика восстановительного правосудия делает необходимыми изменения в стиле работы государственных служащих. Изменения эти должны касаться как того, что они делают, так и того, как они это делают.

Статья предлагает в значительной степени выборочную критическую характеристику прошлого, настоящего и будущего восстановительного правосудия. История восстановительного правосудия, конечно, не может быть описана по отдельным периодам времени. Скорее она состоит из связанных или не связанных, развивающихся параллельно друг с другом направлений общественной активности и научной мысли. В части I, «прошлое», мы описываем проходившую в научных кругах и вне их деятельность, которая была направлена на популяризации идеи восстановительного правосудия. В части II, «настоящее», мы рассматриваем значение этой

популярной идеи как социального движения. В части III, «будущее», мы предлагаем пути для дальнейшего развития.

Восстановительное правосудие это товар на глобальном рынке правосудия. Некоторые сторонники предпочли бы просто «продать» его и связанные с ним службы вместо того, чтобы задуматься о его философских и политических основах или о том, какое влияние оно окажет на существующую систему правосудия и разрешения споров. Наша цель здесь - не «продать» восстановительное правосудие, хотя мы и считаем, что оно может изменить систему правосудия в лучшую сторону. Мы не хотим также концентрироваться на сплошной критике, хотя и существует немало поводов для скептицизма. На самом деле, не существует четко выработанного объекта критики. Вместо этого существует большое количество «простых приемов» (Walgrave, 1995, стр. 240), которые работники могут «включить» в уголовный или ювенальный судебный процесс. Сегодня большая часть практик, которые можно назвать «восстановительными» представляют из себя набор «простых приемов».

Мы не разделяем энтузиазм некоторых сторонников восстановительного правосудия, которые рассматривают его как нечто довольно простое. Наоборот, это очень комплексная система, основанная на долгих дебатах о целях наказания, подразумевающая переоценку эффективности различных форм разрешения конфликтов и переосмысление существующих отношений между гражданами, государством и «сообществом» в области проведения политики в отношении судебной системы и судебных институтов. Мы согласны с утверждением, что существует потребность в «учете социально-этических, философских и юридических теорий... для создания связанной парадигмы... способной обозначить рамки деятельности» (Walgrave, 1995, стр. 240). Чтобы создать такую парадигму, в части III мы предполагаем, что ученые и общественные активисты в своей деятельности должны: 1) подняться над представлениями о карикатурном противостоянии карательной и восстановительной моделях правосудия. 2) сделать общие черты ретрибутивизма и консиквентализма присущими и восстановительному правосудию, и 3) использовать больше точных терминов и меньше обещать.

ЧАСТЬ I: ПРОШЛОЕ.

Наш короткий обзор недавнего прошлого восстановительного правосудия будет выборочным, хотя мы и не будем останавливаться только на его развитии в Северной Америке. В начале и середине 70-х, когда в Канаде и на Среднем Западе США начали появляться первые программы примирения правонарушителей и жертв и когда только несколько ученых-криминологов или практиков были знакомы с традициями туземного правосудия, термин «восстановительное правосудие» еще не существовал. Впоследствии он появился в различных публикациях (Colson and Van Ness (1989), Mackey (1981, 1992), Van Ness and Strong (1997), Wright (1991), Zehr (1985, 1990)). Примирение правонарушителей и жертв, семейные конференции, круги правосудия, группы поддержки жертв правонарушений и другие практики, которые сейчас называют *восстановительными*, начали свое развитие в разнообразных группах людей (часто не связанных друг с другом), которые экспериментировали с альтернативными методами. Что же вызвало такой большой интерес и как все это процессы развивались в дальнейшем? Здесь мы рассмотрим следующие направления общественной активности и научной мысли: социальные движения 60-х, некоторые особенные программы и практики, и научные исследования и теории.

Социальные движения

В отличие от многих современных описаний истории восстановительного правосудия в Северной Америке, наш рассказ начинается не со стартовавшей в 1974 году в Китчнере, Онтарио программы примирения правонарушителей и жертв. Как важнейшую отправную точку мы рассматриваем борьбу за гражданские права и женское движение 1960-х годов. Движение за гражданские права базировалось, в том числе, на критике расизма в полиции, в тюрьмах и судах. Как утверждали многие, расистское доминирование белых поддерживалось очень большой криминализацией афро-американцев и представителей других расовых и этнических меньшинств, среди которых непропорционально большая часть находилась в заключении. На этом утверждении основывалась антитюремная кампания, включавшая в себя борьбу за права заключенных и за создание альтернативы тюремному заключению. В Соединенных Штатах протесты индейского населения против белого колониализма также включали критику тюремной системы; подобные протесты звучали также среди коренных народов Австралии, Канады, Новой Зеландии и Южной Африки. Весьма активным было и женское движение. В 1970-х кампания против насилия в отношении женщин была центральным элементом феминистского движения, и феминистские группы были в числе первых призвавших обратить внимание на неправильное обращение с жертвами в уголовном процессе. Активисты феминистского движения также были вовлечены в кампании за права заключенных. Таким

образом, активисты социальных движений первыми обратили внимание на слишком строгую, нацеленную на суровое и длительное тюремное заключение политику в отношении правонарушителей и на недостаточное внимание к чувствам и переживаниям жертв в судебном процессе. Хотя правонарушители и жертвы часто рассматриваются в судебной системе как антагонисты, они все больше стали видеть друг в друге носителей общего опыта как жертв несправедливого и безответственного обращения.

Программы и практики.

Начиная с 70-х годов было запущено много программ, которые мы сейчас можем назвать восстановительными. Сначала усилия концентрировались на проведении встреч между правонарушителями и жертвами, практика которых была адаптирована или полностью перенята у традиционных посреднических моделей. Позднее в этих встречах стали принимать участие члены семьи и друзья представителей обеих сторон, а также юристы-профессионалы и другие влиятельные в обществе люди. Мы опишем основные виды восстановительных инициатив и политических вызовов, придавших восстановительному правосудию его сегодняшнюю форму и содержание.

1. *«Prisoners Rights and Alternatives to Prisons»*. «Права заключенных и альтернативы тюрьме». В 1970-х некоторые ученые и специалисты-практики призывали видеть в правонарушителях прежде всего жертв социального равнодушия, обнищания местных сообществ, расовой и гендерной дискриминации. Соответственно, сторонники этих идей надеялись изменить условия содержания в тюрьмах, минимизировать использование тюремного заключения и даже вообще его отменить. В этом контексте Фэй Хони Кнопп (1976) и другие (Hull and Knopp, 1978) надеялись построить «заботливое общество», заботящееся о жертвах и правонарушителях. В 1980-х число заключенных в тюрьмах США резко выросло, увеличилась популярность и частота использования промежуточных санкций (Morris and Tonry, 1990, DiMaskio, 1997). И тогда, и сейчас ни примирение правонарушителей и жертв, ни восстановительное правосудие не упоминалось в литературе, посвященной промежуточным санкциям.

2. *«Conflict Resolution»* - «Разрешение конфликтов». В середине и конце 70-х в развитии советов общественного правосудия и центров правосудия соседских общин нашло свое отражение стремление к «увеличению доступа» к правосудию, которое должно было бы характеризоваться большим гражданским участием и менее формальным процессом. Появление таких методов разрешения конфликтов (также применяемых для решения различных споров) отражало растущее разочарование в официальных принципах разбора конфликтов и разрешения споров. Основной акцент делался на общении, взаимном обмене между спорящими сторонами и на уменьшении роли профессиональных юристов (о развитии этих направлений в данном периоде в Великобритании, США и Канаде см. Pavlich, 1996, стр.161, примечания 4-6).

3. *«Victim-Offender Reconciliation Programs (VORPs)»*. Эти программы, впервые представленные в Канаде в 1974 и в США в 1977 году, были основаны на менонитских принципах обмена и диалога. Они включали в себя встречи жертв преступлений и правонарушителей, обычно проводившиеся перед вынесением приговора, в присутствии нейтральной третьей стороны. Основной целью VORP было восстановление «правильных взаимоотношений» которые должны существовать между двумя сторонами (Zehr, 1990). Работа сторонников VORP была тесно связана с религиозными принципами и институтами (Immarigeon, 1984).

4. *«Victim-Offender Mediation (VOM)»*. В конце 70-х жертвы преступлений (и их защитники) стали предпочитать термин «посредничество в разрешении конфликтов» («Mediation») термину «примирение» («Reconciliation») для обозначения программ встреч жертв и правонарушителей. Программная модель для VOM была схожа с программной моделью для VORP, хотя в встречах получили возможность участвовать, помимо жертв и правонарушителей, и другие затронутые преступлением люди, особенно когда рассматривались дела о серьезных правонарушениях. Программы VOM начали осуществляться в Великобритании, Скандинавии и других странах Западной Европы в конце 70-х и 80-х годах, особенно активно они развивались в сфере ювенальной юстиции.

5. *«Victim Advocacy»* - «Защита жертв правонарушений». Как консервативная, так и прогрессивная стороны разделяли обеспокоенность недостаточной ролью жертвы преступления в уголовном процессе. В 1970-х и 80-х годах активисты феминистского движения, а также занимающиеся социально-правовыми вопросами ученые заострили внимание на необходимости сделать полицию и суды более ответственными по отношению к подвергшимся сексуальному или физическому насилию женщинам и детям. Активисты движения «За права жертв» боролись за право на возмещение причиненного преступлением ущерба, за получение жертвой права голоса на формальном процессе и за общественную безопасность. В 1982 Рейгановская администрация опубликовала доклад оперативной группы о жертвах преступлений, что повлекло за собой всплеск активности движения за права жертв. Союз между группами, борющимися за права жертв и сторонниками

реформы уголовного правосудия начал оформляться в 1990 году, когда обнаружилось, что их интересы во многом сходятся. С этих пор американское Бюро по делам жертв преступлений начало проявлять интерес к практике примирения правонарушителей и жертв; глава о восстановительном правосудии должна быть включена в новый доклад оперативной группы о жертвах преступлений.

6. *«Family Group Confernces (FGC)»* – «Семейные конференции». На протяжении 1980-х годов в Новой Зеландии проходила переоценка Договора Вайтанги, конституционного документа Новой Зеландии, и его значения для отношений Пакеха (белых) и Маори (туземцев) В докладе Министерского СовеЩательного Комитета по будущему Маори Департаменту Социального Обеспечения (1988 год) содержались рекомендации по изменению государственной политики в отношении Маори. Законодательные акты 1989 года установили новые стандарты ювенального правосудия и семейного социального обеспечения; это было предпринято в ответ на непропорциональное большое число задержаний молодых Маори и увеличение ориентации семейной социальной политики на нужды прежде всего семей Пакеха. Практика FGC может применяться практически ко всем преступлениям, совершенным подростками, хотя практически она применялась только в достаточно серьезных случаях (кроме тех, где закон не предусматривал возможность ее применения). Менее значительные дела разбирались с помощью полиции. FGC отличаются от VOM и VORP тем, что они вовлекают в обсуждение преступления большее число членов общества, признают более широкий круг пострадавших от преступления и делают акцент на участии представителей семьи правонарушителей (Maxwell and Morris, 1993; Umbreit and Zehr, 1995-96).

FGC были впервые представлены в 1991 году в Австралии как часть инициатив полиции («Модель Вагга» проведения конференций в Новом Южном Уэльсе). Проводимые полицией конференции были также учреждены в Австралийской Столичной Территории. В других штатах и Северных Территориях конференции проводились на базе судебной системы. Проведение конференций в области подростковой преступности было законодательно утверждено в 1993-94 годах в Южной и Западной Австралии. Конференции там созывали и проводили не представляющие полицию профессионалы. Недавно проведение конференций было законодательно утверждено в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде (для дел с участием несовершеннолетних правонарушителей); практика конференций также используется в школах Квинсленда. Модель конференций получила свое развитие и в других странах, включая Канаду, США и Великобританию (Hudson, *et al.*, 1996).

7. *«Sentencing Circles»* – «Круги правосудия». Круги правосудия впервые появились в Канаде в 80-х годах как часть политики индейских общин по отношению к своим преступникам. Исследователи (Ross, 1992) выделяют в качестве их основных целей разрешение конфликтов, восстановление порядка и гармонии и «исцеление» правонарушителя, жертвы и общества. Практика кругов правосудия основана на процессе достижения консенсуса (Stuart, 1997), что подразумевает «обширные рамки деятельности [которые включают в себя] участие жертв преступлений, их семей, членов семей и друзей преступника и членов местного сообщества, целью которых является прореагировать на недостойное поведение и наложить соответствующие санкции в интересах всех участвующих сторон» (Griffiths, 1996, стр. 201). Круги правосудия сейчас получили распространение и среди неиндейского населения Канады и США, например афро-американцев Миннесоты.

8. *Другие восстановительные практики.* Некоторые другие практики, появившиеся в 1980-х и 90-х годах, попадают под определение восстановительных. В Вермонте Советы по компенсации ущерба, состоящие из членов местного сообщества, назначают различные наказания юным правонарушителям; в качестве наказания чаще всего выступают общественные работы и иногда проведение процедур примирения правонарушителя и жертвы. Жертвы на этих советах обычно не присутствуют. Другим видом восстановительной практики являются группы поддержки жертв правонарушений, первоначально созданные ассоциацией «Матери против пьяных за рулем». В этих группах жертвам правонарушений и членам их семей предоставляется возможность выразить свои чувства по поводу вождения в нетрезвом состоянии правонарушителям, направленным туда по решению суда. В отличие от многих других восстановительных практик, посещение групп поддержки жертв правонарушений не является добровольным. Эти группы могут привести важный элемент контактов между жертвами и правонарушителями, отсутствующий в традиционном процессе. Некоторые, впрочем, не согласны с важностью разделения прав жертвы на *получение помощи от различных служб с процедурными правами жертвы в уголовном процессе.* Хотя получение различного рода помощи и должно быть обеспечено, смешивать эти два понятия нельзя (Ashworth, 1994, стр. 34-37).

Научные исследования и теории.

Одновременно с активизацией социальных движений и появлением альтернатив традиционной судебной системе в данной сфере развивались и научные теории и разработки. По мнению некоторых

комментаторов, сначала появилась практика восстановительного правосудия как ответ на потребность в отличном от традиционного правосудия, а теория возникла уже потом (Marshall, 1996). На самом деле в 1970-х и 80-х годах появилось много посвященных неофициальному правосудию теоретических работ, написанных правоведами и социологами.

1. *Неофициальное правосудие.* Занимающиеся социально-правовыми вопросами ученые (Abel, 1992 и соавторы; Harrington, 1985; Henry, 1983; Matthews, 1988) провели эмпирические исследования неофициального и официального правосудия в западных индустриально развитых странах и традиционных земледельческих обществах. Как отмечал один из них, «Менее чем через десять лет после появления первой волны оптимизма она сменилась столь же мощной волной пессимизма» (Matthews, 1988, стр. 1). Интерес к неофициальному и общинному правосудию начал возвращаться когда правоведа и социологи осознали существование большого трансформационного потенциала правового плюрализма и одновременно невозможность «получить правосудие через закон» (Lacey, 1996, стр. 135). Новые работы по этим вопросам (Merry and Milner, 1993; Pavlich (1996) и соавторы «Социальных и правовых исследований» (Santos, 1992) отражали эту тенденцию к возвращению интереса.

2. *Аболиционизм.* В 1970-х и 80-х многие криминологи в Норвегии, Нидерландах и других странах (Mathiesen, 1974; Bianchi and Van Swaaningen, 1986) призывали к отмене тюрем. В их работах предлагались альтернативы тюремному заключению и пути снижения количества заключений. Сегодня только очень немногие выступают за полную отмену тюремной системы, однако многие считают необходимым ограничить частоту применения и длительность тюремного заключения (Carlen, 1990; de Naan, 1990). Некоторые инициативы восстановительного правосудия, такие как освобождения от суда и предшествующие оглашению приговора конференции могут быть использованы как альтернативы заключению.

3. *Воссоединяющий стыд.* Джон Брейтуэйт (1989) предложил термин *воссоединяющий стыд* как альтернативу клеймящей преступника реакции на совершенное преступление. Его анализ подчеркивал позитивную роль и большой потенциал неофициальных методов социального контроля (например, общественного порицания, которое вызывает чувство стыда) для сохранения порядка в обществе. Идеи Брейтуэйта были использованы в качестве теоретической базы для практики конференций Вагга Вагга в Новом Южном Уэльсе (Австралия). Вначале такие конференции, в которых стыд выступал одним из основных элементов работы с их участниками, проводились только в местечке Вагга (и еще нескольких полицейских департаментах), а теперь также и в Австралийской столичной территории. Однако стыд не являлся существенной частью FGS в Новой Зеландии и австралийских штатах Южная Австралия, Западная Австралия и Виктория. Экспортируемая в США и Великобританию практика проведения конференций в основном базируется на модели Вагга. До сих пор в Австралии и Новой Зеландии идут споры о том, должен ли «стыд» занимать центральное место на конференциях, особенно в делах, где правонарушителями являются аборигены (Blagg, 1997).

4. *Психологические теории.* Для дальнейшего развития модели Вагга и расширения сферы применения теории стыда некоторые их сторонники начали привлекать психологические *теории сценария и воздействия* для описания микродинамики и влияния на людей испытываемых ими эмоций (Moore, 1993). Также внимание было уделено изучению того, насколько справедливыми воспринимают участники правового процесса его результаты (Tyler, 1994).

5. *Феминистские теории правосудия.* Феминистские работы опирались на моральные теории, основанные во многом на созданных Карол Гилликан (1982) понятиях «заботы» и «правосудия» в воспитании морали и принятии связанных с соблюдением моральных норм решений. В криминологии некоторые считали «этику заботы» полезной (например Harris, 1987; Heidensohn, 1986), в то время как другие относились к ней более скептически (Daly, 1989). Подходы, характерные для «этики заботы» применялись на семейных конференциях по домашнему насилию в Канаде (Penell and Burford, 1994).

6. *Примирительная криминология.* Криминология примирения это «криминология, которая стремится к облегчению страданий и тем самым к уменьшению преступности» (Repinsky and Quinney, 1991). Примирительная криминология происходит от самых различных течений, включая спиритуализм и феминизм. Для ее сторонников и преступление, и уголовное правосудие являются насилием. «Преступность — это страдание» (Quinney), «Исчезновение страданий и преступности, то есть торжество правосудия может наступить только как результат становления такого мира, духовная основа которого заключается в самом нашем бытии» (Quinney, 1991, стр. 11).

7. *Философские теории.* Философские доводы в пользу альтернативной традиционному правосудию реакции на преступления были приведены Брейтуэйтом и Петтитом (1990), Краггом (1992) и Фатиком (1995). Все авторы тем или иным образом призывали к ограничению использования карательных санкций и использованию некарательных методов. Ориентированные на концепцию возмездия философы и теоретики права

подвергали критике республиканскую теорию уголовного правосудия Брэйтуэйта и Петтита (1990 год, см. ниже о дискуссии Ашворта и фон Хирша с Брэйтуэйтом и Петтитом).

8. *Религиозные и духовные теории.* Хотя восстановительное правосудие требует прежде всего административных, посреднических и организационных навыков, в его практику привносились также – по крайней мере в США и Канаде – религиозные и духовные начала. Первые VORP основывались на менонитских традициях; примирительные процессы аборигенов Канады и США включали много духовных и культурных моментов. Кроме уже перечисленных (Mackey, Van Ness and Strong, Zehr) еще некоторые писатели основывали свои работы на религии (преимущественно христианстве) – Boers (1992), Burnside and Baker (1994), Considine (1995).

ЧАСТЬ II: НАСТОЯЩЕЕ

Учитывая все разнообразие различных проявлений общественной активности и теоретических разработок, создаваемых как в научных кругах, так и вне их, неудивительно, что комментаторы называют восстановительное правосудие «движением». Например, Брэйтуэйт, (1996, стр. 8, 23-24) говорит о том, что восстановительное правосудие «стало лозунгом глобального социального движения» и что ему суждено стать «очень влиятельным мировым социальным движением» в двадцать первом столетии.

Как и восстановительному правосудию, термину *социальное движение* трудно сразу дать четкое определение. Термин широко, пожалуй даже слишком широко используется для описания борьбы людей за достижение какой-то цели. Как бы то ни было, для формулировки основных принципов и подходов с целью построения «четкой парадигмы» восстановительного правосудия, возможно, будет довольно полезно рассматривать его как социальное движение. Таким образом, мы сможем лучше понять причины его популярности, лучше проанализировать его политику и предупредить возможность возникновения различных конфликтов.

Мы опираемся на материалы обсуждения Яном Пакулски (1988) «нового социального движения». У восстановительного правосудия присутствуют следующие черты современного социального движения:

- Ориентация прежде всего на особые идеалистические ценности (а не только на нахождение новых подходов при сохранении старой идеологии). Хотя цели и ценности могут быть самыми различными, новое социальное движение «обладает духом некоей рыцарской морали, чем напоминает религиозные движения» (стр. 249).
- Достаточно рассеянный, не программный характер и антиорганизационная ориентация. Новое социальное движение «не нацеливает своих сторонников на единую программу, тактику или стратегию; у них нет единой идеологической ориентации... или общей платформы» (стр. 250).
- Аморфная, не оформленная четко структура. Новые социальные движения имеют «открытый, публичный характер; для них не характерно понятие членства, организационное разделение ролей и функциональная иерархия. Ставка делается на широкое эгалитарное участие и добровольное посвящение себя общему делу» (стр. 250).

Если новое социальное движение не имеет «четко обозначенных целей, идеологии, стратегии или программных документов» (стр. 251), то, что тогда объединяет его? Объединяющим моментом в большей степени является позиция *против* чего-то, а не позиция *за*: «оппозиция и враждебность к каким-то из важнейших элементов существующей политико-административной системы и нормативному порядку, порождаемому этой системой» (стр. 251). «Отсутствие... идеологически-программного единства» является одновременно и силой, и слабостью. Сила заключается в том, что значительно большее число людей присоединяется к движению, а слабость в том, что движение не сможет обладать достаточным политическим влиянием, пока не перейдет от антисистемной к просистемной ориентации, то есть пока не выработает четкие цели и стратегию их достижения. Впрочем, когда социальное движение начнет развиваться в этом направлении оно может в результате «потерять многих участников движения, а также поддерживающих и сочувствующих» (стр. 252).

Из этого краткого описания особенностей социальных движений становится понятно, в чем причина такой популярности движения за восстановительное правосудие. Оно основывается на новой, идеалистической концепции правосудия, противопоставляемой традиционному правосудию; его сторонники имеют различные политические убеждения, включая консервативные, либеральные, радикально-нигилистические, феминистские и аболиционистские; стратегии воплощения практики восстановительного правосудия в жизнь очень разнообразны;

стать членом этого движения очень легко, оно открыто для новых людей; не существует организаций, формально объединяющих участников движения, хотя и могут проводиться конференции с участием исследователей и активистов движения. Рассматривая восстановительное правосудие как социальное движение, мы можем ожидать появления следующих конфликтов и явлений:

1. *Конфликт целей.* Как социальное движение восстановительное правосудие опирается на поддержку очень большого числа людей, живущих в разных странах, принадлежащих меньшинствам и представляющих большинство, придерживающихся самых различных религиозных и политических взглядов. Хотя разнообразие может рассматриваться как положительное качество, мы видим в нем предпосылки для возникновения конфликтов целей и принципов. Особенно велика вероятность конфликтов во время начала перехода от идеологии «против» к идеологии «за», то есть когда начинается конкретное воплощение идей на практике, когда, по выражению Алана Харланда (1996), участники движения начинают «продавать» восстановительное правосудие тем, кто осуществляет политику в данной области. Кроме конфликтов вокруг того, чем восстановительное правосудие является и чем оно должно быть, само наличие большого разнообразия среди участников движения мешает им выступать согласованно.

2. *Передача власти от государства обществу и рост числа вовлеченных в практику правосудия граждан.* Представители среднего класса теперь больше не являются основными проводниками социальной деятельности государства и находятся сейчас в поисках своего места в обществе. Программы восстановительного правосудия дают этим представителям класса профессионалов выступить в роли посредников между «государством» и «гражданским обществом». Восстановительное правосудие как социальное движение часто противопоставляется существующей политике государства в области уголовного правосудия. Тем не менее, оно, конечно, не является «антигосударственным» движением, многие его сторонники работают в государственных органах. Следовательно, члены движения действуют как снаружи, так и изнутри государственной системы. Мы должны ожидать появления конфликта между профессионалами-представителями государства, опирающимися на формальные права, и профессионалами-общественниками за право «обладания» появившимися ролями посредников. Также мы можем ожидать формирования «рынка специалистов по правосудию» когда люди, вовлеченные в практику восстановительного правосудия, станут продавать свои услуги.

3. *Смешанный идеологический багаж.* Восстановительное правосудие как социальное движение может перекликаться как с «неолиберализмом» с его акцентом на экономическую рациональность, так и с течением «в поддержку потребителей» (Garland, 1997, стр. 182-84) и новыми формами демократического социализма (Sullivan and Tifft, 1997).

Восстановительное правосудие может вмещать как стремление к «закону и порядку», так и борьбу за «более прогрессивную» реакцию на преступления. Чтобы лучше проиллюстрировать это, можно обратиться к словам Брайтвайта (1996, стр. 26) о том, что «одни из самых консервативных правительств мира, уделяющие очень большое значение вопросам финансовой дисциплины и экономии средств (Новая Зеландия и Сингапур) оказались в числе первых поддержавших масштабное развитие восстановительного правосудия». Возможно, для некоторых людей будет неожиданным то, что финансовый консерватизм был основной причиной поддержки правительством Новой Зеландии семейных конференций (Cody, 1991).

Как и ранняя критика неофициального правосудия в 1980-х (см., например, соавторов Абея, 1982), критика восстановительного правосудия сегодня основывается на опасениях по поводу эффективности вхождения «нового» в бюрократический, часто репрессивный уголовный процесс. Такое настороженное отношение возникло во многом благодаря усилиям самих активистов восстановительного правосудия. Эти усилия «создали очень странную, многокомпонентную смесь хороших намерений, оппортунизма и трезвых взглядов на происходящее» (Walgrave, 1995, стр. 138), что «во многом скомпрометировало восстановительный подход еще перед тем, как он получил настоящее развитие». Ирония состоит в том, что пока элементы восстановительного правосудия с успехом позиционируются и находят свой спрос, его трансформационный, преобразующий потенциал оказывается распыленным и рассеянным.

ЧАСТЬ III: БУДУЩЕЕ

Сегодня практика восстановительного правосудия включает в себя огромное разнообразие различных подходов, методов и программ, которые объединяет их популярность, происходящая от «новизны» проводящейся работы. Еще не существует четкой парадигмы восстановительного правосудия, однако на такой ранней стадии и нельзя ожидать ее появления. Нельзя также ожидать и связной парадигмы, объединяющей все разнообразие подходов в традиционном правосудии. «Правосудие было и остается разделенным» (Pavlich, 1996, стр. 41). Сегодня существуют «разные подходы в правосудии», что означает сосуществование различных «идиом,

[внутри] которых находят свое отражение мнения самых различных людей». Эти «различные подходы» проявляются также и в работах сторонников восстановительной практики (сравните, например, отношение к «реабилитации» как результату работы восстановительного правосудия у Валгрейва (1995) и Бэйсмора и Умбрейта (1995)). Кроме того, среди теоретиков также возникают разногласия и при обсуждении достоинств восстановительного правосудия и сравнительных преимуществ ретрибутивизма и консиквентализма (см., например, дискуссию между Петитом и Брайтвайтом, и Ашвортом и фон Хиршем). Мы считаем, что для развития концепции восстановительного правосудия в дальнейших научных дискуссиях и разработках самое пристальное внимание должно быть уделено следующим моментам:

1. *Необходимость движения за рамки жесткого противопоставления моделей правосудия.* Общепринятый среди сторонников восстановительного правосудия аналитический подход предусматривает жесткое разделение «карательной», «реабилитационной» и «восстановительной» моделей правосудия (см. Bazemore, 1996; Walgrave, 1995; Zehr, 1990) (17). Эти модели ассоциировались, соответственно, с наказанием за преступление, реабилитационной работой с правонарушителем и с возмещением нанесенного ущерба. Подчеркивая эти контрасты, сторонники восстановительного правосудия демонстрировали преимущество их модели над остальными двумя, особенно над карательной (18). Такой подход к констатации различий между моделями не только не объективен (все, что относится к «карательной» модели представляется неприемлемым и грубым, а все, что относится к «восстановительной» - правильным и прогрессивным), но и создает препятствия для взвешенного обсуждения достоинств моделей, того как принципы каждой из них могут быть использованы в создании совмещенной модели, и определения схемы их наилучшего совместного функционирования в рамках системы криминального правосудия.

Часть проблемы заключается в неправильном понимании термина «кара». Этот термин используется философами для сравнения карательного (обращенного на уже совершенное деяние) и консиквенталистского (или утилитарного, обращенного в будущее и учитывающего последствия) подхода к оправданию наказания. Существует несколько подходов в оправдании наказания и среди сторонников ретрибутивизма (Duff and Garland, 1994, стр. 7): существует «позитивный» ретрибутивизм («виновный должен обязательно быть наказан, и наказание должно быть настолько суровым, насколько он заслужил») и «негативный» ретрибутивизм («только виновный должен быть наказан, и наказание не должно быть более суровым, чем он заслужил»). Сторонники консиквентализма, в свою очередь, оправдывают применение наказания «из-за его необходимости как действенного инструмента воздействия в отдельных случаях», чаще всего для того, чтобы предотвратить преступление и изменить чье-то поведение (Duff and Garland, 1994, стр. 6). Существуют также аргументы в пользу наказания, находящиеся на стыке теорий ретрибутивизма и консиквентализма.

В рамках карательного подхода к оправданию наказаний выступает отношение к наказанию как адекватному ответу на причиненный преступлением вред, при этом устанавливается относительная тяжесть вреда, от которой зависит суровость наказания. В рамках ретрибутивизма предусмотрены и другие цели кроме наказания, например компенсация нанесенного вреда. В консиквенталистском подходе применение наказания оправдывается целями реабилитации и исправления, а также тем, что человека необходимо лишить возможности совершения преступления пока он еще не исправился и тем, что необходимо создать у отдельного правонарушителя и у всего преступного сообщества страх перед наказанием для предотвращения дальнейших преступлений. Во всех делах, ведущихся с позиции консиквентализма, главной целью является недопущение совершения преступных деяний в будущем.

За последние десять лет изменилась позиция Эндрю фон Хирша, одного из видных сторонников карательного подхода. Он больше не оправдывает «суровое отношение» аргументами о пользе политики «кнута и пряника» (также именуемой «сохранением баланса»). Вместо этого он рассматривает прежде всего осуждающую функцию уголовного закона («признание чего-либо весьма неприемлемым»), а также (во вторую очередь) указывает на «лишение возможностей для совершения преступления» как результата применения строгого наказания в виде тюремного заключения (von Hirsch, 1993, стр. 9-14). Хотя фон Хирш является только одним из многих философов, его идеи имеют большой резонанс, а его работы часто цитируются сторонниками восстановительного правосудия.

Учитывая все вышесказанное, мы можем кратко обрисовать недостатки подхода сторонников восстановительного правосудия к описанию различий между моделями правосудия. Во-первых, они объединяют различные цели наказания (такие как возмездие, лишение возможности совершения новых преступлений, создание страха перед возможным наказанием для недопущения новых преступлений) под эгидой одной «карательной» модели. Это само по себе неправильно и способно ввести в заблуждение. Во-вторых, похоже, что сторонники восстановительного правосудия не следят за изменениями в идеях ретрибутивизма. Например, возмездие понимается как «направленная месть» (Walgrave, 1995, стр. 236). Предполагается, что тюремное заключение это

«основное наказание правонарушителей» (Bazemore, 1996, стр. 50). Таких взглядов не придерживаются многие видные ретрибутивисты. Например, фон Хирш (1993:4) говорит о том, что «нормальное общество должно стремиться свести к минимуму тяжесть специально налагаемых санкций». В-третьих, сторонники восстановительного правосудия не приводят аргументы для оправдания наложения санкций в практике восстановительного правосудия. Схожи ли эти аргументы с аргументами сторонников карательной, консиквенталистской концепции или похожи и на ту, и на другую?

Возможно, действительно выработана третья позиция, где скомбинированы элементы ретрибутивизма и консиквентализма? Сделать это было бы несложно: еще в 1980 году в Нью-Йорке под покровительством Института Правосудия Вера проводилась программа, в рамках которой продолжительность назначаемых общественных работ зависела от тяжести совершенного преступления (McDonald, 1986); аналогичная программа проводилась и позднее Центром альтернативного наказания и службами занятости (Singlton, 1993). Валгрейв и Аэрстон (1996, стр. 82) также выступают за установление зависимости между тяжестью и последствиями правонарушения и продолжительностью общественных работ когда говорят о том, что «принятие правонарушителем обязательств по возмещению ущерба позволяет использовать некоторую форму градуации. Тяжесть причиненного вреда должна влиять на длительность ограничения свободы, которое выражается в выполнении обязательств по возмещению ущерба».

Зеднер (1994) задается вопросом, возможно ли соединить возмездие и возмещение ущерба. После анализа целей и принципов наказания он пришел к выводу, что такая возможность существует, хотя, по его мнению, «приспособление правосудия, направленного на возмещение ущерба, к потребностям наказания» может с легкостью «лишить его многих изначально присущих черт, [особенно] его направленности прежде всего на исправление разорванных социальных связей». Осторожные рассуждения Зеднера о существующих сходствах и различиях, основывающиеся на информации из *правовой* литературы, усилены *эмпирическими* исследованиями о сущности тех практик и церемоний, которые можно назвать «восстановительными».

Изучая практику семейных конференций для несовершеннолетних правонарушителей в Австралии один из нас (Дали) отметил, что когда их участники говорят о правонарушении и его последствиях, о причинах его совершения и о том, как правонарушитель может исправить возмещенный ущерб, то одновременно достигаются цели осуждения преступления, поддержки жертвы и помощи правонарушителю исправиться и встать на правильный путь. Надо сказать, что практики, называемые «восстановительным правосудием», очень разнообразны и включают в себя большой арсенал методов: от осуждения и обвинения до предоставления возможностей для возмещения ущерба и обещаний устроить в будущем на хорошую работу. Надо также иметь в виду, что теория воссоединяющего стыда предусматривает сначала осуждение правонарушения, за которым следует выражение любви и поддержки со стороны близких правонарушителя. На практике во время проведения семейных конференций их участники переходят от осуждения и дискуссий об ответственности правонарушителя к осуждению того, как ему можно будет помочь в будущем.

Важно учитывать не только *что обсуждается*, но и *форму обсуждения*. Многие практики, называемые «восстановительными», не являются открытыми и публичными; они понимаются как «приватные», то есть находящиеся вне сферы общественного внимания и предусматривающие только ограниченное представительство официальных органов правосудия. Сторонникам восстановительного правосудия надо четко определить, какие действия и диалоги могут иметь место в публичных и приватных практиках (то есть какие действия являются частью формального и неформального правосудия). Например, когда Брейтуэйт и Мугфорд (1994) иллюстрируют «условия успешной воссоединяющей церемонии» на примерах практики проведения семейных конференций, они игнорируют и различия, и сходства условий церемоний «деградации» и «воссоединения». Они не обращают внимания на факт, что церемония «деградации» (как она описана у Гарфинкеля (1956 год) в применении к судебной практике, особенно процедуре составления приговоров) является публичной церемонией в суде, а церемония «воссоединения» - сугубо приватной (конфиденциальной, только для приглашенных участников) и носит несудебный характер. (Валгрейв и Аэрстон (1996, стр. 78-81) также говорят об этой проблеме; по их мнению «стыд» может быть приемлемым в приватной церемонии, в то время как на публике общее осуждение и призывы к раскаянию могут легко привести к превращению церемонии в **деградационную**.) В то же время Брейтуэйт и Мугфорд (1994) игнорируют и сходство двух церемоний: преступление осуждается, а в результате церемонии правонарушитель берет на себя за него ответственность.(?)

Существуют важные различия между тем, что может быть сказано и достигнуто на судебном процессе и на конференции. На конференции может быть услышана позиция жертвы правонарушения, родные и близкие правонарушителя также могут выразить свои чувства по отношению к случившемуся и помочь ему вернуться в нормальное общество. Но особенно важно то, что увлекшись нахождением явных различий и контрастов между «карательной» и «восстановительной» моделями правосудия или между «деградационной» и

«воссоединяющей» церемонией аналитики могут не обратить внимание на их сходство по многим позициям; могут остаться незамеченными и некоторые существенные различия.

2. *Перенесение общих черт ретрибутивизма и консиквентализма на восстановительное правосудие.* Мы уже отмечали различия между пониманием целей наказания сторонниками ретрибутивизма и консиквентализма. Здесь мы не будем подробно рассматривать возникшую между ними дискуссию, а остановимся только на некоторых ее важнейших моментах. Прежде всего, существует история не очень конструктивного обмена мнениями по вопросу воздействия исходя из «вины» (см. von Hirsch, 1985; von Hirsch and Ashworth, 1992; Ashworth and von Hirsch, 1993) и «не только вины» (Braithwait and Pettit, 1990; Pettit and Braithwait, 1993, 1994). Теория Брейтуэйта (1989) о воссоединяющем стыде, которую он сейчас включил в республиканскую теорию восстановительного правосудия и которую рассматривает как одну из форм «восстановительного правосудия» на самом деле является консиквенталистской теорией. Критика фон Хирша и Ашворта в адрес раздела республиканской теории, посвященного приговорам, направлена прежде всего против моментов, присущих (в том виде, в котором они их рассматривают) консиквенталистской теории, а не восстановительному правосудию как таковому. Исходя из этого примера можно легко себе представить, что восстановительная модель может быть карательной, консиквенталистской или их комбинацией.

Другая проблема заключается в том, что участники дискуссии не обращают внимания на изменения в позициях противоположной стороны. Например, мы уже отмечали отход фон Хирша от концепции кнута и пряника для оправдания наказания. Теперь он добавил к своей позиции консиквенталистский принцип «тяжелого времени» для создания у преступника страха перед наказанием, стал активно выступать за уменьшение тяжести наказаний и предложил пути определения критериев соответствия величины не связанных с заключением в тюрьму санкций (например, общественных работ) тяжести совершенного преступления. Петтит и Брайтвайт (1993, 1994) сейчас допускают, что установление четкого верхнего предела тяжести приговора является важным моментом.

Мнения этих ученых расходятся по нескольким принципиальным пунктам: например, насколько размер санкций может зависеть от личного мнения тех, кто их накладывает, или как определить взаимосвязанные критерии справедливости, логики и пропорциональности накладываемых санкций. Но к настоящему моменту в их дискуссиях основное внимание уделялось главным образом защите превосходства теории ретрибутивизма или теории консиквентализма. Было бы полезно узнать, что думают эти ученые о различиях в применении существующих практик и принципов в формальных и неформальных процессах, а также каким образом они хотят сделать правосудие справедливым и приемлемым как для правонарушителей, так и для жертв. Хотя некоторые подобные темы уже обсуждались (Ashworth, 1993) существует настоятельная потребность в их дальнейшем развитии.

3. *Надо научиться использовать больше точных терминов и меньше обещать.* Главным вопросом, связанным с восстановительным правосудием, сейчас является вопрос о том, возможно ли сегодня не только «говорить» о нем, но и непосредственно применять его принципы внутри уже сложившейся, ориентированной на наказание или обеспечение социальных норм системы правосудия. Наверное, невозможно, или возможно, но не в чистом виде. Дополнительная проблема для сторонников восстановительного правосудия – убедить в его значимости политиков, чиновников и представителей общественности. Это проблема связана с тем, что сущность восстановительного правосудия сложно описать, используя общие термины, знакомые и понятные государственным служащим и простым людям. Для примера можно привести несколько высказываний на эту тему.

Бейзмор и Умбрейт (1995, стр. 304-305):

«Ни карающее, ни снисходительное по своей сущности, восстановительное правосудие измеряет успех своих санкций не в том, какое было наложено наказание или сколько времени было затрачено на перевоспитание правонарушителя, а в том, был ли в полной мере возмещен моральный ущерб, разрешен межличностный конфликт и удалось ли в результате добиться реабилитации его участников.»

Восстановительное правосудие... помогает оказывать моральную поддержку для более полной и эффективной реабилитации... и открывает для специалистов в ювенальной правосудии новые возможности для увеличения безопасности в обществе».

Ван Несс (1993, стр. 264, 266):

«Основная цель восстановительного правосудия – противодействовать преступности путем построения безопасного и сильного сообщества.

Важнейшей задачей является постановка восстановительного результата выше процедурных целей. Оценка любой реакции на преступление должна заключаться в том, насколько эта реакция способствует восстановлению пострадавших сторон».

Что касается первого отрывка, то, прочитав его становится понятно, почему сторонники теории «вины» не устраивают некоторые идеи, восстановительного правосудия. Может ли «успех санкций» оцениваться в полноте реабилитации и возмещения морального ущерба? Хотя достижение реабилитации и возвращения в общество и являются важнейшими целями, могут ли они быть главной целью *санкций*?

Есть и другие моменты на которые могут косо посмотреть сторонники теории «вины». Язык «более эффективной реабилитации» и «увеличения безопасности в обществе», обещающий одновременно «помочь и создать ограничения» (von Hirsch, 1985) вызывает целый спектр оппонирующих реакций. Более того, и между сторонниками восстановительного правосудия существуют разногласия по поводу роли «реабилитации» в модели восстановительного правосудия. Если Бейзмор и Умбрейт (1995) скорее поддерживают идею, то Валгрейв (1995, стр. 244) не считает ее применимой к восстановительному правосудию, по крайней мере к формальной (или юридической) стороне процесса.

Что касается третьего отрывка, то наилучшим (хотя и спорным) способом полного искоренения преступности является отмена уголовных законов, и даже в «безопасных и сильных сообществах» людям все равно будет наноситься тот или иной вред. Может ли автор ожидать столь многого от восстановительного правосудия?

Что касается последнего утверждения, то каковы на самом деле связи между процедурой и внутренним содержанием правосудия в модели восстановительного правосудия? В «восстановлении пострадавших сторон» приоритет отдан правонарушителю или, исходя из соображений справедливости, жертве? Или под «восстановлением» пострадавших автор имеет в виду примирение их интересов или, возможно, их персональное примирение?

Мы не считаем этих авторов и их идеи «отклонившимися от основного потока». Нет, их ожидания и призывы к улучшению формы правосудия являются нормой, по крайней мере, для современной американской литературы. Именно этой норме, с ее набором обещаний и ожиданий, мы и хотим бросить вызов.

Риторика преступления и правосудия подталкивает нас к простому пониманию того, что есть «хорошо», а что «плохо». Это утверждение справедливо как в отношении научных кругов, так и для широкой публики. Некоторые достаточно либеральные и критически настроенные криминологи сегодня начинают считать «плохим» эскалацию репрессивных наказаний, особенно увеличение числа заключений в тюрьму, что объявляется (ошибочно) следствием негибкой политики полиции, придерживающейся концепции «вины». Восстановительное правосудие поэтому рассматривается как «хорошее», противостоящее этому «плохому». Но в процессе объяснения потенциальных выгод восстановительного правосудия, пожалуй, дается слишком много обещаний. В условиях политического климата, в котором граждане и влиятельные государственные и общественные деятели могут требовать реальных доказательств высокой эффективности восстановительной практики, ее сторонники могут оказаться не в состоянии их предоставить. Просто в начале они слишком завысили ожидания.

Более скромные цели и стратегии могут оказаться более успешными. В качестве примера приведем один достойный внимания проект «действия-исследования». Проект посредничества для исправления и возмещения ущерба был предпринят в Левене, Бельгия (Peters and Aersten, 1995). Проект не преподносился как альтернатива суду; посредники проводили встречи между правонарушителями и жертвами параллельно с проведением следствия. Предполагалось, что результаты посреднических встреч окажут влияние на выносимые приговоры. Проект предусматривал консультации между посредниками и ведущими следствие работниками прокуратуры в вопросах выбора дел и дальнейшей работы с ними. Это позволило «получить возможности для постоянной оценки и обдумывания существующего внутри системы подхода... [Это также позволило] лучше ознакомить работников системы правосудия с возможностями новой, восстановительной парадигмы» (Walgrave and Aertsen, 1996, стр. 76).

Исследование в Левене показало, что восстановительное правосудие может работать параллельно с существующей судебной системой. На основе этого исследования также могут быть выработаны подходы к тому, как восстановительные идеи могут приносить новую информацию и даже изменять существующие правовые практики в уголовных или ювенальных судах. Многие юристы противостоят применению восстановительного правосудия как правовой практики, так как воспринимают его преимущественно как форму посредничества, второсортный вид «правосудия». (Такое же отношение часто возникает и среди жертв преступлений, правонарушителей и других участников процесса). Юристы-практики, особенно судьи, прокуроры, мировые судьи

и офицеры полиции могут расценивать восстановительное правосудие как слишком «мягкий подход», который не реагирует «адекватно», карая за противозаконное поведение. Ссылки на порочность тюремной системы и преимущества компенсации и общественных работ вряд ли помогут убедить работников правовой системы. Но положительные изменения возможны в случае если некоторые из них увидят на практике, как и в каких делах может реально работать восстановительное правосудие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановительное правосудие появилось на международной арене как зонтичная концепция и социальное движение. Как концепция, оно включает в себя много вещей и различных практик во многих областях. В области судебной системы восстановительное правосудие рассматривается как набор альтернатив официальному правосудию, как способ рассмотрения менее серьезных дел, который дает возможность уберечь несовершеннолетних правонарушителей от суда, позволяет жертвам и правонарушителям встретиться и, возможно, компенсировать нанесенный ущерб, и создает реальную альтернативу тюремной системе наказания. Странники восстановительного правосудия как социального движения выступают против существующей практики правосудия, особенно против неоправданно широкого использования тюрем, опираясь при этом как на этические, так и на рациональные экономические изображения. Как концепция и социальное движение восстановительное правосудие захватывает воображение растущего числа ученых, практиков и людей, осуществляющих политику в области правосудия, обещая им «вершить правосудие» более «дифференцированно» и лучше. Способно ли оно на это? И как это будет осуществляться?

При переходе от хороших намерений, сильных метафор и обязательных историй о взаимоотношениях жертв и правонарушителей к рассмотрению этических, правовых и философских теорий работа становится все труднее, а политические и профессиональные вызовы все напряженнее. Дебаты, как это и должно быть, возникают вокруг принципов и практических методов.

Мы выступали против противопоставления восстановительной и карательной модели, и предлагали внести концептуальную ясность в понимание сущностей этих моделей. Больше внимания необходимо уделить определению практик, в наибольшей степени подходящих для официальных и неофициальных процессов. Необходимо также утонить, какой характер должны носить связи между этими процессами. Через короткое время восстановительное правосудие перестанет быть «теневым правосудием» (Harrington, 1985), и осуществляться «в виде отдельных частных инициатив, а не ... в виде открытого вызова» (Pavlich, 1996, стр. 42). Практики восстановительного правосудия будут (хотя и не полностью) задействованы в официальном государственном правосудии.

Нас беспокоит тот факт, что сторонники восстановительного правосудия могут обещать слишком многое: восстановление социальных связей, исправление нанесенного правонарушителями вреда обществу, возвращение правонарушителей в нормальное общество, получение жертвами компенсаций, удовлетворение жертв преступлений результатами процесса и т. д. и т. п. Мы должны помнить, что правосудие есть неуловимый «опыт невозможного» (Pavlich, 1996, стр. 37, цитируется Derrida, 1992). Восстановительное правосудие, область уже «сама по себе сложная и запутанная», сможет работать эффективно если его сторонники не будут слишком много обещать.

Примечания

1. По словам Тони Маршала, в применении к новым моделям правосудия используются следующие термины: восстановительный, коммунитарный, прогрессивный, основанный на помощи сообщества, воссоединяющий, ситуациональный, доступный, информативный, возмещающий, холистический, зеленый, реальный, мягкий, истинный, позитивный, естественный, неподдельный, путь переговоров, сохраняющий баланс, компенсирующий ущерб, общественный, сохраняющий отношения, альтернативный, практический, конструктивный, разрешающий противоречия и трансформационный. «Каким бы ни был термин» – говорит Маршал – «сохраняется тенденция соединять очень многое под одним понятием» (Marshall, 1997, стр. 2).

2. Наш эпиграф взят из дискуссии Валгрейв и Аерстена (1996) об использовании термина «воссоединяющий стыд», впервые неофициально предложенном Джоном Брэйтуэйтом. Они выступают за то, что хотя «воссоединяющий стыд» и «восстановительное» правосудие и являются «взаимодополняющими концепциями, [их] нельзя смешивать друг с другом». И объясняют почему: «эта область сама по себе сложна и запутанна».

3. Валгрейв (1995 стр 245). говорит о том, что восстановительное правосудие это «идеал правосудия в идеальном обществе». Следовательно, это не просто новый вариант «свершения правосудия». Успех восстановительного правосудия «требует изменений в социальной этике и идеологии общества».

4. Часть I является переработанным вариантом текста в издании 1997 года (Dali and Immaregion, 1997).

5. Часть II является переработанным и сокращенным вариантом статьи, представленной на конференции «Правосудие без насилия, Албани, штат Нью-Йорк, 1997 год (Dali and Immaregion, 1997).

6. Вопрос заключается в том, просто ли интегрируется новая практика в существующую систему правосудия или бросает ей вызов и изменяет ее сущность. В процессе осуществления реформы уголовного правосудия (что, возможно, характерно для любой реформы) возникают различия между тем, что предлагалось воплотить, и тем, что было в итоге воплощено в результате реформы. Некоторые специалисты (учитывая организационный и политический контекст в котором они работают) оказываются в более выгодном положении для воплощения своего видения реформы, чем другие. Как «набор приемов» восстановительная практика может с легкостью стать просто добавлением к уже существующему порядку вещей, а не чем-то «новым».

7. Национальные и региональные вариации хорошо описаны в различных обзорах и сборниках (Abel, 1982; Galaway and Hudson, 1996; Messmer and Otto, 1992; Matthews, 1988).

8. Некоторые называют автором термина «восстановительное правосудие» Альберта Эглаша (1976), который писал о необходимости «созидающего возмещения ущерба». Эглаш пришел к такому выводу изучая биографии нарушителей закона. «Восстановительный подход», который он предложил, предлагает правонарушителю взять на себя ответственность за исправление нанесенного им ранее жертве вреда (ущерба), а также ответственность за собственную способность действовать в дальнейшем конструктивно. Эглаш ориентировался на интересы прежде всего правонарушителей. «Для меня», писал он, «восстановительная практика и возмещение ущерба, как и две их альтернативы, наказание и работа для исправления, связаны и направлены прежде всего на правонарушителей. Любые бенефиции жертвам являются важной, но не основной составляющей процесса (Eglash, 1976, стр. 99).

9. За последние двадцать-тридцать лет в США правонарушители и жертвы правонарушений приобрели некоторые важные «права», набрали силу прежде незаметные движения в поддержку прав заключенных. Встреча правонарушителей и жертв на судах и очных ставках в качестве сторон юридического процесса может не удовлетворять их общие интересы. Восстановительное правосудие предполагает процесс, в ходе которого сможет осуществиться желание (многих) жертв и правонарушителей встретиться друг с другом лицо к лицу.

Перевод Лаптева А.